

В ЧЕТЫРЁХ СТЕНАХ ИЛИ БЕЗ НИХ: АРХИТЕКТУРНОЕ ЧТЕНИЕ РАЗМЫШЛЕНИЙ ХАННЫ АРЕНДТ О СФЕРЕ ЧАСТНОГО

Х. Тиердс

Делфтский технический университет (Делфт, Нидерланды)

Аннотация: Журнал «Политическая концептология» публикует перевод работы Ханса Тиердса, представленного им во время лекции в центре Ханны Арендт при Бард-колледже, Нью-Йорк. Перевод и публикация статьи осуществлены с согласия автора.

Ключевые слова: частная сфера, архитектура, публичное пространство, Ханна Арендт, пространство.

Публичное пространство занимает центральное место в архитектурных дискурсах и размышлениях о городе. Будучи обусловлен созданием анклавов, таких как закрытые общества и торговые центры, и процессами джентрификации, рассматриваемый вопрос, навеянный также западным идеалом демократии, обращает особое внимание на аспекты плюрализма и сферу частного. Одним из основных теоретических источников данной статьи является известный труд Ханны Арендт *The Human Condition*,¹ определяющий значимость публичного пространства как «пространства явления» — пространство, где люди обходятся друг с другом посредством действий и речи [Арендт 2000: 264]. Однако роль архитектуры в этом случае и материальна, и иллюзорна.

Архитектура создает пространство, но не явление. Однако Арендт отводит архитектуре другую функцию, представляя ее как часть человеческой деятельности, создающей вещественный мир. Присущие ей свойства постоянства и социальности становятся необходимым условием для конструктивной публичной жизни [Там же: 295]. С этой точки зрения архитектуру можно постичь как наиболее публичный вид искусства, как «мироздание» [Арендт 2007]. Как пишет Ханна Арендт, земной дом становится миром только тогда, когда произведенные и построенные объекты способны пережить людей, живущих среди этих объектов, и выдержать их потребительский образ жизни. Мы говорим о культуре только тогда, когда существует данное постоянство объектов.

В архитектурных дебатах о публичном пространстве вопрос о частной сфере часто игнорируется. Однако предложенная Арендт модель учитывает ее при анализе публичного

¹ Первое издание книги Ханны Арендт «*Vita activa, или О деятельной жизни*» вышло на английском языке под названием «*The Human Condition*».

пространства. Для того чтобы описать общественную жизнь, она использует слово «явление», которое равнозначно движению: появиться в публичном пространстве означает покинуть сферу частного ради того, чтобы принять участие в мире. Я попытаюсь рассмотреть некоторые проблемы публичного пространства, а также точку зрения Арендт, согласно которой частная сфера является предпосылкой для публичного участия.

В архитектуре обсуждение домов, жилья и семейной жизни инициировано лекцией Мартина Хайдеггера 1951 года «Строить, жить, мыслить». С его точки зрения, архитектурное вмешательство превращает безликое пространство в идентифицируемое пространство, а желание строить должно совпадать с возможностью людей обосноваться на новом месте [Хайдеггер 1971]. Конечно, Хайдеггер настроен пессимистично в этом смысле, утверждая, что современность и современный образ жизни лишает нас оседлости. Мы отчуждены от окружающего нас пространства. Иначе говоря, быть «отчуждённым» — это экзистенциальное условие современности. Эта критика Хайдеггера вызвала большой резонанс в теории архитектуры.

На мой взгляд, архитекторы имеют дело с частным в той же степени, что и с публичным. Архитектура способствует сфере домашнего, хотя я знаю, что для Арендт частная сфера и сфера домашнего не синонимичны по своему определению. То, как проектируются города, как наши дома связаны с улицами и площадями, ландшафтом и инфраструктурой, сильно влияет на наше понимание и мировоззрение.

Вначале важно задуматься о реальной цели архитектуры. Что делают архитекторы? Я думаю, мы можем описать это одним словом: архитекторы «*дискриминируют*». Архитекторы возводят стены, чтобы создать различные условия публичного и частного. Поступая таким образом, они превращают безликое пространство, как утверждает Хайдеггер, в идентифицируемые места. Однако архитектура — это не просто рамка или декор вокруг того, что происходит внутри или снаружи. Сама архитектура также влияет на то, что происходит. Физическое пространство может быть директивным, иногда даже и разрушительным; оно ограничивает, направляет или предлагает новые возможности и перспективы. Архитектура сама по себе является также результатом социальных процессов. То, как мы организуем и проектируем пространство, представляет собой социальную конструкцию, рассказывающую

нам о структуре и функционировании общества. Как писал философ Людвиг Витгенштейн: «Когда мы строим дома, мы говорим и пишем» [Витгенштейн 2007]. Таким образом, дом является одной из ключевых сторон этой социальной организации пространства, представляя собой нарратив о нашем обществе сегодняшнего дня.

Нарратив того, как мы строим сегодня, можно легко понять, обратившись к объявлениям домов, квартир или вилл в разделе «Недвижимость» газеты *New York Times*, в частности, к тем, которые направлены на привлечение состоятельных людей. Для меня эти объявления были чем-то невероятным по сравнению с теми, которые я привык видеть в Нидерландах и Европе. Я был поражён планами и макетами домов, количеством комнат, отведённых для еды, отдыха, просмотра телевизора, игры в бильярд, чтения и учёбы, помимо ещё нескольких спален и отдельных комнат для одежды.

Это не ново. Элита всегда жила во дворцах с огромным числом комнат и планировкой, глядя на которые многие потеряли бы дар речи. Больше всего меня удивило то, что в каждой спальне была ванная комната, а в главной спальне ванных комнат было даже две, одна для нее и одна для него. Эта организация пространства рассказывает нам о нас самих, нашей культуре и нашем понимании уединения, указывая на то, что мы относимся к дому, как к кокону, в котором можно быть собой и вести себя свободно, то есть делать все, что хочется, оставаясь при этом невидимым, ничем не потревоженным и не ограниченным, и, скажем, не быть смущённым следами другого человека, живущим в том же доме, включая даже супруга или супруги. Это все говорит нам о нашей насущной необходимости скрывать нашу телес-

ную грязь от остальной части нашего дома и, наоборот, оставаться незапятнанным этой грязью и неуязвимостью других.

Этот пример особенно поразителен, поскольку я лично привык к домам голландского стиля с большими окнами, выходящими прямо на улицу и незанавешенными даже при наступлении темноты. Эти отголоски прежней кальвинистской Голландии свидетельствуют о том, что «нам» нечего скрывать — мы кристально чисты, даже в четырёх стенах нашего частного дома мы не делаем ничего, что запрещено Господом [Циераад 1999].

Полагаясь на приведённые примеры планировки квартир, можно сделать вывод: архитектура, представляя собой способ организации физического пространства, выражает определённые идеи о мире. Однако такой подход не совпадает с идеей Арендт, выраженной в *The Human Condition*. Сегодня конфиденциальность — это прежде всего индивидуальность. Впрочем, для Арендт сфера частного имеет не только приватный характер, но и служит сферой становления, подготовки и возрождения, то есть обладает двояким характером. Оба аспекта требуют пристального изучения: частная сфера является приватной, но не предполагает уединения. Сфера частного — это мир в мире; мир, в котором можно быть самим собой, будучи всегда среди родителей, родственников и других.

Арендт начинает описывать частную сферу с точки зрения необходимости. Это сфера личных вещей и событий, которые не могут быть выставлены на показ. Для Арендт очевидно, что очень личное, связанное с физическим телом человека, должно оставаться в тени [Арендт 2000: 342]. Под этим я понимаю события жизни, о которых не говорят, поскольку сфера частного представляет собой пространство невыражаемого. Невыражаемым и необсуждаемым вопросам и событиям требуется безопасное место среди членов семьи и друзей, среди личных вещей и воспоминаний, чтобы не превращать их в тайну, чтобы они сохранили свою глубинность и не стали шаблоном [Там же: 342]. Как утверждает Арендт, жизнь, проживаемая исключительно в ярком свете публичной сферы, теряет свою глубинность и угасает.

На этом этапе важно обратиться ко второму аспекту частной сферы. При публичном действии частной сфере, чтобы снова появиться и действовать на публике, необходимо восстановиться и все пересмотреть. В таких случаях очень важно приватное пространство, окружённое родителями и друзьями, братьями, сёстрами и супругом, пространство, заполненное воспоминаниями и окружённое вещами, представляемыми личную ценность. Как пишет Арендт, «эти четыре стены, в которых разыгрывается семейная и частная жизнь, создают защиту от мира, причём именно от его публичности. Они очерчивают пространство сокрытости, без которого ничто живое не может созреть. Это касается [...] всякой человеческой жизни. Везде, где она постоянно подставлена миру, не защищённая частным и безопасным, сама ее живость пропадает» [Арендт 2014: 276–277].

Идиллия общей картины нарушается появлением бездомных людей, живущих на улице, подобно призракам. Фактически бездомные не только не защищены от ветра и дождя, но также лишены безопасного места, куда можно было бы вернуться, спрятаться для «подзарядки», прежде чем снова выйти в область неопределённости и опасности [Бенхабиб 2003]. Бездомные не просто угасают на улицах, потому что им не хватает своего стабильного места в постоянно меняющемся общественном мире, а поскольку лишены ещё пространства подготовки, становления и возрождения.

Таким образом, Арендт обращает внимание на важное значение частной собственности. Тот уголок, где можно будет спрятаться, надо оградить от сияющего взора публики. При обсуждении греческого и римского полиса она уделяет большее внимание частной собственности, а стены *oikos*, которые отделяли частную собственность от публичного пространства, рассматривает как священные пространства [Арендт 2000: 295].

Вернёмся к моему утверждению о дискриминации как сущности архитектуры. Американский архитектор Роберт Вентури в своей книге «Сложность и противоречия в архитек-

туре» утверждает, что стена является преимущественно архитектурным событием [Вентури 1977 [1966]]. Она посредничает между внешним и внутренним, представляя собой момент времени, на который приходится перемены.

История архитектуры современного дома представляет собой историю непрерывно следующих реинтерпретаций данного архитектурного события. Например, Венский архитектор Адольф Лоос (1870-1933) был сторонником классической позиции по этому вопросу. В своей работе он ссылаясь на изменяющиеся городские условия. В силу этого рассматривал стену в качестве архитектурного «мгновения» между сутолокой и суматохой современного мегаполиса и безмятежностью дома. По словам Лооса, стена выполняет функцию защитной зоны семейной жизни от суеты современной городской жизни². Следовательно, внешний фасад дома представляет собой реальную, осязаемую границу между публичным и частным, которая должна защитить частную жизнь от публичной. Кроме того, стена, то есть щит, должна быть невыразительной и недоступной; она не должна относиться к внешнему миру того, что происходит внутри. Другими словами, дом защищает неприкосновенность частной жизни жителей от потока и скоротечности общественной жизни. Таким образом, Лоос выразил идею, которую Арендт сформулировала спустя 60 лет.

Примерно в то же время швейцарско-французский архитектор Ле Корбюзье (1887–1965 гг.) предпринял усилия по «освобождению» фасада от его функции защиты. Он призвал архитекторов придумать возможности открыть стены и соединить воедино публичное и частное. Более того, он проектировал дома без внутренних стен, пытаясь представить дом в качестве непрерывного пространства, в котором каждая комната, кухня и спальня были расположены по-своему и не разделены толстыми стенами, в отличие от ранее описанных мною современных квартир. По мнению Корбюзье, дом надо было превратить в своего рода механизм для жизни.

В этом случае наиболее радикальными являются стеклянные дома. Отмечу, в частности, дом Фарнсуорта, построенный по проекту немецкого архитектора Людвигом ван дер Роэ (1886–1969). К творениям ван дер Роэ после его переезда в Соединенные Штаты можно отнести множество небоскребов и зданий в Чикаго, Детройте и Нью-Йорке. Для всех его проектов без исключения характерны стальные рамы и огромные окна, независимо от того, квартала это или офис. Однако самым радикальным был его полностью застеклённый дом на окраине Чикаго, так называемый дом Фарнсуорта. Дом очень красивый, но не приспособленный для жизни, по словам разочарованного хозяина. К счастью, он служил домом отдыха, подобно практически всем прекрасным творениям в истории архитектуры. Тем не менее доктор Эдит Фарнсуорт был в ярости, поскольку летом в доме было слишком жарко, а зимой холодно.

Отмечу, что, кроме неспособности выполнения практических функций, полностью застеклённый дом не может обеспечить защитой. Доктор Фарнсуорт жаловался на чувство некоего разоблачения, несмотря на то, что дом расположен посреди огромного сада, вдали от улицы, и окружен лесом. Другими словами, стеклянный дом, даже если он находится посреди природы, не признает потребность человеческого тела в защите не просто от публичного взора, но и от самой природы. Помимо этого, ввиду своей застеклённости, в таком доме невозможно найти следы жизни, те же личные вещи, которые в обычных пространствах разложены вокруг, превращая стены в дом [Палласмаа 1995: 132].

Что же из себя представляет сфера частного? Во-первых, она предлагает защиту тела и приватной жизни, а во-вторых, пространство для хранения следов жизни. Очень личные со-

² См. Беатрис Коломина, *Частное и общественное; современная архитектура в средствах массовой информации*, Кембридж, Массачусетс: издательство Массачусетского технологического университета, 1994, 233–281; см. Джордж Байрд, *Пространство Явления*, Кембридж, Массачусетс: издательство Массачусетского технологического университета, 1994, 35; см. также Хильде Хейнен, *Архитектура и критика современности*, Неймеген: издательство SUN, 2001, 111.

бытия жизни должны происходить в пространствах, заполненных нашей личной историей и интимностью, нашей памятью и воспоминаниями. Здесь мы находимся дома и чувствуем себя комфортно. Можно предположить, что в этом заключается причина того, почему большинство людей берут с собой в больницу свои некоторые вещи из дома. В моменты, когда наша жизнь находится под угрозой, мы хотим быть окружены вещами, которые имеют для нас ценное значение. Как пишет Арендт о французах во время промышленной революции, «[...] народ показал свое мастерское умение в искусстве быть счастливым в четырёх стенах, между постелью и гардеробом, столом и креслом, в окружении собаки, кошки и горшка с цветами. Царящая в этом тесном круге мягкая тщательность и предупредительная забота в мире, стремительная индустриализация которого, раздвигая место для нового производства, неумолимо разрушает ещё вчера привычные вещи, вызывают такое впечатление, словно здесь скрывается бегством последняя, чисто человеческая способность радоваться миру» [Арендт 2000: 69].

Эти образцы современных домов открывают нам также другой смысл архитектуры — раскрытие и обнаружение новых условий. Так, если стена разделяется, мы можем предположить, что окно и дверь в этой стене снова их все воссоединят. Таким образом, они создают новый слой пространства. Если стена несёт в себе разграничение между частным и публичным, между внутренним и наружным, то это разграничение становится видимым в образе окна и ощущается у порога двери. Возможно, Роберт Вентури счёл стену архитектурным событием; окно, порог и дверь выходят за пределы этого события³. Фрэнк Ллойд Райт это тоже знал. В качестве доказательства выступают его потрясающие конструкции дверей, наличники окон и навесы.

Суть всей архитектурной конструкции сосредоточена именно на пороге. Он не только становится своего рода границей, но его ещё можно пересекать и переступать. Он также связывает внешний мир с внутренним миром и наоборот. Именно здесь сталкиваются условия внутреннего и внешнего, где встречаются публичное и частное. Особая важность архитектуры кроется как раз в правильном расположении порогов.

Согласно Арендт, нам нужно вернуться домой и нужно снова выйти из дома, чтобы появиться на публике. Человечеству необходимо это постоянное движение вперёд и назад, поскольку именно этот переход позволяет человеку быть человеком. По словам Арендт, безопасность и надёжность дома, то есть темнота дома, выступают против ослепительного света внешнего мира, меж тем как оба нуждаются друг в друге. На мой взгляд, это не просто переход из одного состояния в другое. Это переход, который очень простым образом затрагивает все наши чувства в прямом смысле этого слова. Мы действительно переступаем порог, когда приходим домой с улицы и наоборот. Мы сразу же моргаем, меняются звуки и запахи, мы держимся за дверную ручку, и с нами что-то происходит. Архитекторы Роберт МакКартер и Юхани Палласмаа описывают это следующим образом: когда вы входите в пространство, возникает непосредственная, бессознательная проекция, идентификация и обмен. Мы занимаем пространство, а пространство погружается в нас. Мы охватываем пространство нашими чувствами и измеряем его нашими телами и движениями [МакКартер/Палласмаа 2012].

При переходе от одного пространства к другому, а от публичного к частному, все наши чувства напрягаются. Мы ощущаем пространство физически, физиологически и умственно. Пространство впечатляет нас. В этом контексте мне вспоминается книга Арендт «Жизнь ума», в которой она исследует роль чувственных опытов. Все эти одновременно изменяющиеся чувства, наше восприятие мира посредством чувственных данных и опыт, оказывающий непосредственное влияние на наши чувства, переплавляются в некое шестое чувство, наш *здоровый* смысл, уверяющий нас в действительности всего мира. В этом раскрывается для меня важная роль архитектуры в ее практическом облики, особенно в культурах, где грани-

³ См. также Георг Зиммель, «Мост и дверь», *Переосмысление архитектуры: читатель в культурной теории* Нейла Лича, Лондон: издательство Phaidon Limited, 2012.

цы публичного и частного размываются виртуальной реальностью и социальными медиа [Арендт 2013: 50].

Что же мы теряем, когда теряем нашу конфиденциальность? У архитектуры на этот счет есть свой ответ. Во-первых, конфиденциальность — это не просто идея, а нечто материальное и осязаемое. Эти качества имеют первостепенное значение в мире, который все больше поощряет жизнь людей в ярких огнях виртуальной реальности. Более того, порог в архитектуре представляет собой тонкую линию между закрытостью и открытостью, между дискриминацией и связью. Эта линия важна, поскольку служит своего рода хранилищем личных вещей и тайн личной жизни, представляя собой обязательное условие появления на публике или простого чувства домашнего комфорта. Эта тонкая линия, материальный и чувственный опыт появления в мире и выхода из мира, предлагаемая «пороговыми пространствами», незаменима, поскольку затрагивает сразу все наши чувства, свидетельствуя момент раскрытия действительности окружающего мира.

Перевод с английского А.Г. Акопян

Арендт Х. 2000. «*Vita Activa, или О деятельной жизни*» (*The Human Condition*). — Пер. с нем. и англ. В.В. Бибикина, под ред. Д. М. Носова. — СПб.: Алетейя. — 437 с.

Арендт Х. 2007. *Ханна Арендт, Размышления о Литературе и Культуре*. — Под ред. Сусанны Янг-а Готтлиб. — Стэнфорд, Калифорния: издательство Стэнфордского университета [Hannah Arendt, “Culture and Politics,” Hannah Arendt, *Reflections on Literature and Culture* (ed. Susannah Young-ah Gottlieb) (Stanford, CA: Stanford University Press, 2007), 189.]

Арендт Х. 2013. *Жизнь ума*. — Пер. с англ. А.В. Говорунского. — Издательство «Наука». — 517 с.

Арендт Х. 2014. *Между прошлым и будущим* («Кризис в воспитании»). — Пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. — М.: Изд-во Института Гайдера. — 416 с.

Бенхабиб С. 2003. *Вынужденный модернизм Ханна Арендт*. — Ланхем: издательство Rowman & Littlefield. [Seyla Benhabib, *The Reluctant Modernism of Hannah Arendt* (Lanham: Rowman&Littlefield Publishers, 2003), 213.]

Вентури Р. 1977 [1966]. *Сложность и противоречия в архитектуре*. — Нью-Йорк, Музей Современного Искусства. [Robert Venturi, *Complexity and Contradiction in Architecture* (New York: The Museum of Modern Art, 1977 [1966]), 86.]

Витгенштейн Л. 2007. *Лекции и беседы об эстетике, психологии и религиозных верованиях*. — Под ред. Цирил Барретт. — Беркли, Лос-Анджелес: издательство Калифорнийского университета [Ludwig Wittgenstein, *Lectures and Conversations on Aesthetics, Psychology, and Religious Belief* (ed. Cyril Barrett) (Berkeley/Los Angeles: University of California Press, 2007), 213.]

МакКартер Р., Палласмаа Ю. 2012. *Понимая архитектуру*. — Лондон: издательство Phaidon Limited. [Robert McCarter and Juhani Pallasmaa, *Understanding Architecture: A Primer on Architecture as Experience* (London: Phaidon Press Limited, 2012), 14.]

Палласмаа Ю. 1995. *Дом: слова, интерпретации, значения и среда*. — Олдершот: издательство Avebury. [Juhani Pallasmaa, “Identity, Intimacy and Domicile — Notes on the Phenomenology of Home,” David Benjamin (ed.), *The Home: Words, Interpretations, Meanings, and Environments*, (Aldershot: Avebury, 1995), 132.]

Хайдеггер М. 1971. «Строить, жить, мыслить» из «*Поэзия, Язык и Мышление*». — Пер. с нем. Альберта Хофштадтера. — Нью-Йорк: издательство Harper & Row [Martin Heidegger, “Building Dwelling Thinking,” in *Poetry, Language, Thought* (trans. Albert Hofstadter) (New York: Harper&Row, 1971)]

Циераад И. 1999. Голландское окно: женская добродетель и женский порок, *Дома: Антропология домашнего пространства*. — Сиракузы, Нью-Йорк: издательство Сиракузского университета [Irene Cieraad, “Dutch Window: Female Virtue and Female Vice,” Irene Cieraad (ed.), *At Home: An Anthropology of Domestic Space* (Syracuse NY: Syracuse University Press, 1999), 31.].